

Стрелкова, И. И. Повесть «Пастух и пастушка» [Текст] / И. И. Стрелкова // Стрелкова, И. И. В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин в жизни и творчестве [Текст] : учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей / И. И. Стрелкова. – М.: ООО «ТИД «Русское слово - РС», 2005. - С. 26-28.

Повесть «Пастух и пастушка» у В. Астафьева имеет подзаголовок «современная пастораль». *Пастораль* - старинный жанр XIII—XIV веков, для него характерно идиллическое изображение пастухов и пастушек на лоне природы. Время действия повести — ближе к концу войны, когда немец уже ослаб.

В современной пасторали связаны три пары. Борис Костяев рассказывает Люсе о театре с колоннами, о балетной пасторали: «Знаешь, музыка была сиреневая. Простенькая такая, понятная и сиреневая... Лужайка зеленая. Овечки белые. Пастух и пастушка в шкурах. Они любили друг друга, не стыдились любви и не боялись за нее». Эти герои балетной пасторали - первая пара. Вторая пара — двое убитых стариков: «Бойцы от хуторян узнали, что старики эти приехали сюда с Поволжья в голодный год. Они пасли колхозных коров. Пастух и пастушка». Третья пара — смертельно уставшие от войны Борис Костяев и встреченная им на хуторе Люся.

Борис Костяев — натура героическая, юноша-воин. История Бориса и Люси начинается с самоотверженного подвига молодого лейтенанта. А современный пасторальный мотив наиболее сильно начинает звучать с появлением Люси в степи у могилы, затянутой полынью и травой-проволочником, с ее вопроса: «Почему же ты лежишь один, посреди России?» Прислушайтесь к этим словам. У самых обыкновенных, казалось бы, слов бывает какая-то необыкновенная сила воздействия...

В «Пастухе и пастушке» не рассказана жизнь Люси до встречи с Борисом Костяевым и нет истории ее послевоенной жизни. Мы не знаем о ней ничего, как не знал и Борис Костяев. А вот Люся словно все знала о нем и все предчувствовала: «Что с тобой? Ты устал? Или? — Люся приподнялась на локте и пораженно уставилась на него: — Или ты... смерти боишься?» И Борис ей отвечает: «Страшно привыкнуть к смерти. Примириться с нею страшно, когда само слово «смерть» делается обиходным, как слова «есть», «спать», «любить»...»

Лейтенант Костяев бок о бок с товарищем по оружию сражался как герой. Он бы вынес раненого товарища с поля боя или из окружения, но самого себя Костяев не смог вытащить — спасти от смерти. Он умер от раны, считавшейся на войне не смертельной. Умер от того, что ему уже невыносимо тяжело стало «нести свою душу». И понять это его чувство можно, только читая «Пастуха и пастушку» страницу за страницей. Никакими критическими разборами этого не объяснишь. Конечно, должен был выработаться на такой долгой войне инстинкт самосохранения. Конечно, Борис Костяев опытный взводный «с собачьим уже чутьем». Но такое чутье не только для того ему дано, чтобы себя уберечь. Лейтенант Костяев

чувствует себя виноватым, что не уберег от мины беспечного солдата Шкалика, и гибель этого мальчика в шинели дополняет его боль свинцовой каплей.

Как было сказано выше, русская военная проза воплощала идеи добра, была *антивоенной*. «Пастух и пастушка» В. Астафьева — один из самых ярких примеров протеста против войны, против всех войн. Свою сокровенную мысль писатель выразил не только в образе Бориса Костяева. Старшина Мохнаков — антипод юноши-лейтенанта, жестокий человек. «Меня бы палачом над немецкими преступниками», говорит Мохнаков. И он же с пронзительной горечью зовет «свою» пулю, он тоже смертельно устал от войны. А потом, в последнем бою, Мохнаков ляжет с заранее припасенной миной под танк, оставив в полевой сумке награды, приколотые к бязевой тряпочке, и записку Костяеву с просьбой позаботиться о жене и детях. Значит, предвидел опытный старшина Мохнаков, что смерть его уже рядом, даже записку приготовил, но писал-то он ее своему лейтенанту в уверенности, что такого хорошего и чистого не убьют.

В. Астафьеву, по мнению критиков, всегда удавались женские образы. «Ему близка и благородная традиция русской литературы - восхищение женщиной-матерью, женщиной-женой», — писал критик Александр Макаров. Русский идеал был воплощен В. Астафьевым в образах бабушки из «Последнего поклона», Августы из повести «Где-то гремит война», Надежды из рассказа «Руки жены»... Есть у В. Астафьева и вовсе страшный рассказ «Слякотная осень». Все в нем печально, в этом рассказе о заброшенной послевоенной деревне. И как все похоже на сегодняшний день. Бабье одиночество, неурожайный год, пожар на ферме, попойки с горя: «Пропади все... Напьемся - напляшемся хоть...» Сюда бы заезжего журналиста, он бы в самых черных красках расписал деревенское пьянство. А у В. Астафьева рассказ написан так, что навевает чувства добра и надежды. «Не осуждай и не кори баб наших... Пожалеть их надо за жисть ихнюю, помочь...» — говорит бригадир Еремей Чердаков «ровно бы самому себе, но так, чтобы и я слышал». Перечитывая сегодня рассказ о послевоенной заброшенной деревне, начинаешь верить, что и в наше время не все так безнадежно. Ведь смогли же подняться тысячи разоренных войною деревень!..

С Люсей из современной пасторали «Пастух и пастушка» читатель расстается у одинокой могилы, затянутой полынью и травой-проволочником. Сколько лет прошло после окончания войны, но и в наши дни идет поиск вот таких безымянных могил. Кто в них лежит? Повесть «Пастух и пастушка» В. Астафьева помогает и сегодняшнему молодому поколению понять простую и очень важную мысль: война отняла у России миллионы жизней, но, кроме счета на миллионы, надо иметь ясное представление, что каждая в этом гигантском числе жизнь была единственной и неповторимой — нет ничего дороже этой одной человеческой жизни.

У Астафьева было к написанной им современной пасторали какое-то особенное отношение. В отзыве на одну критическую статью о «Пастухе и пастушке» он писал: «Многое из того, что я написал, мне перечитывать

тошно, а вот «Пастушку» ехал в вагоне из Перми, читал и сам себе удивлялся, и Люсю свою тоже полюбил вдруг. То есть я ее, наверное, всю жизнь любил, эту выдуманную женщину, а тут вот как-то она мне близкой сделалась до боли».

В этом письме рассказана и история о том, откуда взялась повесть «Пастух и пастушка». Оказывается, В. Астафьев задумал ее еще в 1954 году. «Работал на областном радио, отставал от поезда на глухом разъезде за Кизелом, на Урале. С собою книга была «Манон Леско», я ее прочел за день-то, и так она меня потрясла, что я в конце концов додумался: «А что, если?..» Неужели, думал я, мы-то разучились любить, чувствовать, прощать и из наших отношений даже загадочность исчезла? Неужели романтичность-то нашу душу оставила? Но тогда конец!»

В. Астафьев вынашивал свой замысел семнадцать лет, а черновик написал в деревне за три дня, и потом двенадцать раз переделывал и перечитывал. Ему, как сказано в письме, «хотелось просто написать о любви грешной и земной». А вышло — о войне. Или, как и мечталось, о любви? Вопрос обращен к читателю.